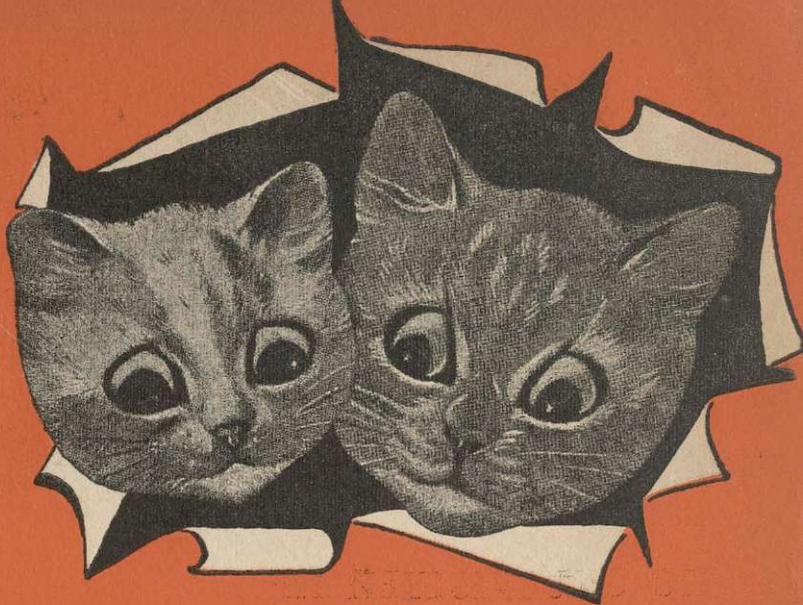

№ 2

НОЯБРЬ

1907.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О СКВОРЦАХЪ
ЭЛЬФЪ
НА ЗАРЪ
МОРЯЧОКЪ (окончаніе)
ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА
РАЗСКАЗИКИ
ЗАДАЧА
ШАРАДА
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ:

4 прыгунчика на одномъ листѣ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

О СКВОРЦАХЪ.

Папа писалъ въ имѣніе къ Григорію письмо.

— Напиши ему, сказала мама, — чтобы онъ поставилъ скворешницу около дома со стороны дѣтской. Дѣти будутъ глядѣть въ окна, какъ скворецъ будетъ выводить дѣтей.

Папа написалъ.

Черезъ двѣ недѣли Григорій отвѣтилъ, что скворешница уже поставлена и что только третьяго дня прилетѣли скворцы и уже поселились въ ней.

Было еще холодно, когда папа, мама и дѣти переѣхали въ усадьбу. Бхать пришлось весь день и дѣти уже спали, когда вечеромъ ихъ внесли на рукахъ въ дѣтскую и уложили въ кровати. А когда они проснулись на другое утро, то первымъ дѣломъ услышали какіе-то странные звуки: на дворѣ, почти у

самого окна дѣтской, что-то лопотало, насвистывало, кудахтало, какъ курица, и скрипѣло, какъ неподмазанное колесо.

Дѣти соскочили съ кроватокъ и, отдернувъ занавѣски, выглянули въ окошко. Дѣтская была во второмъ этажѣ и какъ разъ противъ окна на большомъ шестѣ стояла скворешница. На ней сидѣлъ скворецъ, расправлялъ себѣ перышки на крыльяхъ и пѣлъ.

— Какой хорошій, сказалъ Митя, — и какъ скверно поѣтъ!

— Нѣтъ, ничего... сказала Соня. — Давай поглядимъ, что онъ будетъ дѣлать!

И, сѣвши на подоконникъ, они стали глядѣть на скворца. Глядѣлъ и онъ на нихъ и нисколько ихъ не боялся и продолжалъ пѣть.

Вошелъ папа.

Скворцы: молодой и старый.

— Вы что здѣсь сидите? спросилъ онъ дѣтей.

— Да вотъ, папочка, на птичку посмотримъ! отвѣтила Соня.

Папа тоже выглянулъ въ окошко и лицо его засвѣтилось удовольствіемъ.

— Скворушка! воскликнулъ онъ.— Вотъ молодецъ, что прилетѣлъ! Теперь вамъ, дѣти, весело будетъ. Онъ будетъ вамъ пѣть!

— Ужъ лучше бы не пѣлъ... сказалъ Митя.— Онъ пѣть не умѣетъ, а только скрипитъ...

Папа поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Скворецъ,—это лучший другъ человѣка. Вотъ погоди, когда ты поближе узнаешь его, ты его полюбишь. Нѣтъ птицы веселѣе его! Онъ настолько уменъ, что о немъ рассказываютъ цѣлыя исторіи. Даже больше: только двухъ птицъ и можно выучить говорить по-человѣчьи—это попугая и скворца.

— Даже говорить по-человѣчьи? удивилась Соня.

— Да, отвѣтилъ папа,—и я расскажу вамъ сейчасъ одну исторію про скворца. У одного садовника былъ ученый скворецъ. Онъ умѣлъ лаять по-собачьи и говорить по-человѣчьи. Вотъ однажды пришелъ къ этому садовнику мальчикъ Фрицъ и попросилъ садовника показать ему этого скворца. Садовникъ оглянулся по сторонамъ и видитъ—нѣтъ скворца, онъ куда-то улетѣлъ.—«Эй, скворушка, гдѣ ты?» крикнулъ онъ ему.—«Я здѣсь, я здѣсь!» отвѣтилъ ему съ

дерева скворецъ и, слетѣвши сѣлъ ему на плечо. И такъ понравился этотъ скворецъ мальчику, что онъ сталъ часто приходиться къ садовнику и разговаривать со скворцомъ. Только приходитъ однажды Фрицъ къ садовнику и видитъ—садовника нѣтъ дома.—«Ага, думаетъ Фрицъ, я украду сейчасъ скворца и отнесу его къ себѣ; садовникъ подумаетъ, что онъ улетѣлъ». И только что онъ успѣлъ сунуть скворца къ себѣ въ карманъ, какъ вдругъ вошелъ садовникъ.—Здравствуй, Фрицъ!—Здравствуйте, Карлъ Иванычъ!—Что ты тутъ дѣлаешь?—Ничего... Видитъ садовникъ, что тутъ дѣло не чисто, и догадался, что Фрицъ стащилъ у него скворца.—А ты не видалъ моего скворца?—спрашиваетъ онъ у Фрица.—Нѣтъ, Карлъ Иванычъ, не видалъ! Тогда садовникъ взялъ его за рукавъ и громко крикнулъ:—«Скворушка, гдѣ ты?»—«Я здѣсь, я здѣсь!» закричалъ вдругъ скворецъ въ карманѣ у Фрица и тѣмъ выдалъ воришку. Фрицъ заплакалъ, вынулъ скворца изъ кармана, покаялся и сказалъ: я больше никогда не буду воровать.

Папа поднялся, чтобы уйти.

— Папочка расскажи про скворца что-нибудь еще! стали просить его дѣти.

— Да что-же вамъ рассказать? отвѣтилъ папа, усаживаясь опять на прежнее мѣсто.—Удовольствіе, которое доставляетъ скворецъ своимъ пѣніемъ, увеличивается еще тѣмъ, что

ни одна птица не способна такъ къ подражанію, какъ онъ. То онъ свиститъ иволгой, то лаетъ собакой, то шелкаетъ перепеломъ, то поетъ цѣлыя пѣсни, которыя поютъ на деревнѣ дѣвушки. Когда я былъ мальчикомъ, то у насъ жилъ въ скворешнѣ скворецъ, который подражалъ тому, что игралъ на гармоніи нашъ кучеръ Данила. Такъ мы этого скворца и прозвали Данилой.—«А что, Данила прилетѣлъ къ намъ въ нынѣшнемъ году?» бывалоспрашивалъ мой отецъ. И очень отецъ былъ опечаленъ, когда одинъ годъ этотъ Данила вовсе не прилеталъ. Насколько вѣрно скворецъ подражаетъ свисту чело-вѣка, рассказываетъ нѣмецкій ученый Дикъ. «Одинъ изъ моихъ скворцовъ, говоритъ онъ,—былъ причиной слѣдующаго забавнаго случая. Такъ какъ у меня болитъ горло и я не могу кричать, то я призываю людей, работающихъ въ саду, при помощи свистка. Не разъ случалось, что люди поспѣшно прибѣгали, хотя я вовсе и не свистѣлъ и хотя меня даже не было дома, такъ что ни я, ни рабочіе не могли понять, въ чемъ дѣло. Наконецъ оказалось, что одинъ изъ скворцовъ, свившій себѣ гнѣздо недалеко отъ дома, подслушалъ мой свистъ и сталъ довольно часто передавать его съ неизмѣнной точно-стью и силой».

Мясо скворца невкусно, продолжалъ папа,—и потому его не ѣдятъ. Но зато скворцовъ очень обижаютъ ястребы. Они нападаютъ на сквор-

цовъ, когда тѣ летаютъ поодиночкѣ, и заклевываютъ ихъ. Зато и ястребамъ иногда достается отъ скворцовъ. Не такъ давно я прочиталъ объ этомъ слѣдующее. Стая скворцовъ паслась по только что вспаханному полю, гдѣ она отыскивала себѣ червяковъ и личинокъ. Какъ вдругъ они всѣ вздрогнули и увидели надъ собой ястреба, который готовъ былъ броситься на одного изъ нихъ и схватить. Въ одинъ мигъ всѣ скворцы, сколько ихъ было, сплотились въ одну черненькую тѣсную кучку и такъ кучкой и поднялись съ земли на воздухъ. Пролетѣвъ мимо ястреба, они поднялись выше его и затѣмъ, всѣ сразу, бросились на него съ вышины. Ястребъ принужденъ былъ слетѣть на землю. Тогда они заставили его подняться снова и снова продѣлали съ нимъ то-же. Такъ они поступили столько разъ, что ястребъ наконецъ выбился изъ силъ и замертво повалился на землю. Когда ястребъ появляется по сосѣдству, то скворцы предупреждаютъ другъ друга крикомъ, свистомъ, или же одинъ изъ нихъ, вѣроятно самый храбрый, перелетаетъ отъ скворешницы къ скворешницѣ, въ каждую изъ нихъ засовываетъ мордочку и, должно быть, говоритъ:—«сидите, не вылетайте, недалеко ястребъ!»

Вообще скворецъ очень подвиженъ, общителенъ, любитъ людей и животныхъ. Это очень домовитая птица, такъ какъ любитъ жить только въ нарочно устроенныхъ домикахъ. По-

смотри, Митя, онъ ни минуты не можетъ просидѣть спокойно: то шевелитъ крылышками, то вотъ сталъ перебирать на себѣ клювомъ перья. Вотъ онъ слетѣлъ на землю и ходитъ ковыляя, точно хромою; но это ничего не значить; не смотря на свою кажущуюся неловкость, онъ бѣгаетъ отлично. На бѣгу онъ схватываетъ летящаго жука, значить, онъ бѣгаетъ скорѣе, чѣмъ летаетъ жукъ. Пищу скворца составляютъ насѣкомыя, черви, улитки, гусеницы, не прочь онъ полакомиться иногда и плодами, но тотъ вредъ, который онъ приноситъ, напр., вишнямъ, подклевывая ягоды, ничто въ сравненіи съ приносимой имъ пользой. Вы только подумайте: по исчисленію профессора Ленца одна семья скворцовъ истребляетъ по 364 однихъ только жирныхъ насѣкомыхъ въ день вродѣ гусеницъ и улитокъ и по нѣскольку тысячъ мелкихъ, вродѣ комаровъ и мухъ. «На кровляхъ принадлежащихъ мнѣ строеній, пишетъ Ленцъ,—подъ карнизами и на ближайшихъ деревьяхъ находится 42 скворешницы. Въ нихъ живетъ и вывелось—504 скворца, которые проглатываютъ ежедневно цѣлое полчище въ 35,280 большихъ, толстыхъ, жирныхъ гусеницъ».

— А сколько же они проглотили у него комаровъ и мухъ? спросила Соня.

— Должно быть болѣе милліона въ день, отвѣчалъ папа.—Вотъ почему скворецъ всегда самая желанная птица въ каждой усадьбѣ, на

каждой дачѣ. Еще снѣгъ на дворѣ, а онъ уже летитъ къ намъ, садится на самую верхушку дерева и начинаетъ щебетать. И странное дѣло: зимуетъ онъ обыкновенно въ Египтѣ, гдѣ очень жарко, но когда прилетаетъ къ намъ, то погода еще стоитъ пасмурная, съ неба падаютъ хлопья снѣга, корма еще нѣтъ и родина принимаетъ скворца совсѣмъ нерадушно. Но онъ вовсе на это не обращаетъ вниманія. Каковъ бы холодъ ни былъ, онъ, привыкшій къ теплу въ Египтѣ, ни на одинъ день не теряетъ хорошаго настроенія и поетъ такъ, точно свѣтитъ яркое солнце. А едва только сойдетъ снѣгъ, какъ онъ принимается за отысканіе себѣ квартиры. Первымъ дѣломъ начинается суета около скворешень. Въ нихъ уже поселились воробьи и тутъ-то начинается у скворца борьба съ воробьями. Скворцы безжалостно выгалкиваютъ ихъ изъ скворешень, выкидываютъ ихъ яйца прямо на землю и выбрасываютъ ихъ гнѣзда. А затѣмъ начинается драка между самими скворцами: кому изъ нихъ занимать освободившуюся квартиру. Сильный, конечно, побѣждаетъ, а остальные должны искать себѣ помѣщеній гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Занявши скворешницу, скворецъ устилаетъ ее куриными перьями,—и именно перьями, а не пухомъ,—и кладетъ въ концѣ апрѣля въ это гнѣздо 5—6 голубенькихъ яичекъ, очень блестящихъ, точно покрытыхъ лакомъ. Пока самка высиживаетъ эти яички, самецъ сидитъ надъ сквореш-

ницей и поеть, а когда вылупятся птенцы, ихъ начинаютъ кормить оба: и самецъ и самка. Но и въ это время самецъ нѣтъ-нѣтъ и урветъ часокъ-другой утромъ и вечеромъ, чтобы попѣть или передразнить кого-нибудь. Какъ только птенцы оперятся, родители выгалкиваютъ ихъ изъ скворещины, учатъ ихъ 4 дня летать и затѣмъ отпускаютъ ихъ летать, куда имъ угодно. Старого скворца всегда легко отличить отъ молодого, потому что старый всегда темнѣе окрашенъ. Но и старый скворецъ въ разныя времена года бываетъ окрашенъ различно: такъ весною одежда его бываетъ черная съ зеленымъ или розовымъ отливомъ, послѣ же линянія каждое перышко скворца становится на концѣ бѣлымъ и потому все опереніе кажется крапчатымъ. Ну, мнѣ пора по хозяйству! А вы, дѣти, поскорѣе одѣвайтесь и сходите внизъ!

И папа поднялся и вышелъ изъ дѣтской.

Митя и Соня стали одѣваться и то и дѣло поглядывали въ окошко на скворца. Онъ попрежнему пѣлъ и трепыхалъ крылышками.

— Кукуреку! вдругъ закричалъ пѣтухъ въ курятникѣ.

— Кукуреку, передразнилъ его скворецъ.

Вслѣдъ затѣмъ закудаhtала курица и ей въ отвѣтъ сталъ кудаhtать и скворецъ.

Дѣти засмѣялись.

— Значитъ скворецъ среди птицъ, серьезно произнесъ Митя, — тоже, что обезьяна среди звѣрей!

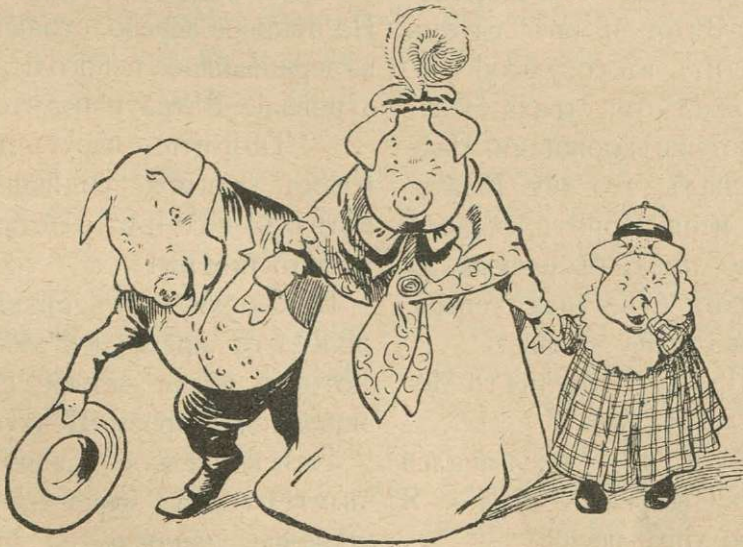
Соня подумала и сказала:—

— Нѣтъ обезьяна передразниваетъ манеры, а скворцы только голоса.

Они умылись, помолились Богу и, громко стуча ногами, побѣжали внизъ, въ столовую.

А скворецъ услышалъ, какъ они закрипѣли дверью и сталъ имъ вслѣдъ скрипѣть.

С. Вершининъ.

Хавронья Ивановна отправляется на прогулку съ сыномъ и дочерью.

ЭЛЬФЪ.

Англійская сказка.

— Прочь, прочь съ дороги! затрещаль Морозъ-Трескунъ, застилая землю снѣгомъ и все сметая съ своего пути.

Четыре елки, которыя росли около хижины Эрики, задрожали и поклонились ему, когда онъ промчался сквозь ихъ вѣтви. Маленькій Эльфъ, продрогшій до костей, прижался къ стѣнкѣ дупла въ старомъ дубѣ и чуть не умеръ отъ холода.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — крикнулъ на него Морозъ-Трескунъ. — Уходи отсюда сейчасъ-же, иначе я прикажу Сѣверному-Вѣтру и онъ сдуетъ тебя и превратитъ въ сосульку!

Эльфъ задрожаль отъ страха. Зелененькій, съ золотыми сапожками, нѣжный, онъ не зналь, что ему дѣлать.

— Пощади меня, Морозъ, сказалъ онъ. — Я давно ушелъ-бы отсюда, да сбился съ дороги и не знаю теперь, гдѣ находится страна эльфовъ.

— Прочь! Прочь! — затрещаль Морозъ и помчался далѣе.

— А вотъ и я! — послышался вдругъ голосъ Сѣвернаго-Вѣтра. — Я съ нимъ живо управлюсь!

И онъ сталъ дуть въ дупло на маленькаго Эльфа.

— Сжался надо мною! — обратился къ нему Эльфъ. — Вѣдь я здѣсь не по своей винѣ! — И онъ въ отчаяніи всплеснулъ ручками. — Что-же мнѣ теперь дѣлать? Если я выйду изъ этого дупла, прямо на снѣгъ, то я погибну отъ стужи и голода.

— А мнѣ какое дѣло! — закричалъ на него Сѣверный-Вѣтеръ. — Развѣ коротко было лѣто? Прочь отсюда!

И онъ сталъ дуть на могучій дубъ. Но вѣковое дерево, столько разъ уже выдерживавшее непогоды, выдержало дуновение Вѣтра и на этотъ разъ.

— Ти-и-ить! — вдругъ послышался голосъ снигиря, сидѣвшаго на его вѣтвяхъ. — Ти-и-ить! Не бойся, Эльфъ, я тебѣ помогу!

И, спорхнувъ съ вѣтви дуба, онъ полетѣлъ прямо къ хижинѣ, около которой росли четыре елки, поклонившіяся Морозу-Щелкуну.

Здѣсь жила со своимъ престарѣлымъ отцомъ Эрика — милая, добрая дѣвочка, никогда не бывавшая въ

городѣ. Отецъ ея рѣзалъ въ болотахъ торфъ и всю жизнь свою дѣвочка провела на зеленыхъ лугахъ, бесѣдуя съ птичками, бабочками и звѣрками, и всѣ они любили ее и играли съ нею. Она научилась ихъ языку и разговаривала съ ними. И это были ея игрушки.

— Тукъ-тукъ-тукъ! постучался къ ней въ окошко снигирь. — Иди скорѣе! Маленькій обитатель луговъ въ опасности! Помоги ему!

Она отворила ему форточку, онъ влетѣлъ въ нее и рассказалъ Эрику все по несчастнаго Эльфа.

Быстро накинувъ на себя шаль, Эрика побѣжала къ дубу. И хотя Морозъ щипалъ ее за щеки, дергалъ за шаль и развѣвалъ ея свѣтло-каштановыя кудри, она не боялась его. Раскраснѣвшись и тяжело дыша отъ усталости, она наклонилась и заглянула въ дупло дуба, гдѣ, дрожа отъ холода и страха и укутавшись прошлогоднимъ листкомъ, сидѣлъ Эльфъ.

— Пойдемъ ко мнѣ! — обратилась къ нему Эрика. — У насъ тепло и Морозъ-Трескунъ тебя у насъ не тронетъ.

Эльфъ поблагодарилъ ее за приглашеніе и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣлъ въ бѣдной хижинѣ Эрики и грѣлся у очага.

— Какая ты добрая! — воскликнулъ онъ. — Если-бы не ты, то я погибъ-бы отъ объятій Мороза-Щелкуна. Когда-нибудь я тебѣ отплачу за это.

И онъ сталъ смотрѣть, какъ она убирала свою комнатку.

— Какое теперь время года? — спросилъ онъ потомъ.

— Зима! — отвѣчала Эрика.

— Уже зима? А я уже и счетъ потерялъ! Теперь всѣ наши Эльфы въ теплыхъ краяхъ, а я вотъ здѣсь одинъ...

— Да какъ ты сюда попалъ?

— Моя исторія очень проста. Вѣдь ты знаешь, что мы, Эльфы, живемъ лѣтомъ на лугахъ, въ травѣ, и въ лѣсахъ. Днемъ мы скрываемся въ листьѣ, собираемъ медъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и отдыхаемъ. А по ночамъ, едва только взойдетъ луна, мы начинаемъ пѣть, прыгать, танцевать и веселиться до восхода солнца. Когда же начинаютъ желтѣть листья на деревьяхъ, мы улетаемъ въ теплые края. А я вотъ не улетѣлъ во время и остался.

— Почему-же ты не улетѣлъ?

— Царица Эльфовъ приказала мнѣ оставаться здѣсь, пока не завянетъ послѣдній лепестокъ розы, и принести ей этотъ лепестокъ. Роза долго не увядала и когда я сорвалъ ея лепестокъ, то поднялась буря и я сбился съ дороги. Чтобы переждать ее, я забрался въ орѣховую скорлупу и заснулъ въ ней. А когда я проснулся, то увидалъ себя въ плѣну: большой паукъ опуталъ выходъ изъ скорлупы своею паутиной и я оказался точно въ тюрьмѣ. Долго я трудился надъ тѣмъ, чтобы порвать паутину, а когда вырвался на свободу, то мои товарищи уже улетѣли далеко и вотъ я никакъ не могу теперь найти до-

рогу въ страну Эльфовъ и если-бы ты мнѣ указала, какъ туда попасть, то я былъ бы тебѣ вѣкъ благодаренъ.

— Что-жъ? — сказала Эрика. — У меня среди насѣкомыхъ и звѣрюшекъ много друзей. Завтра мы пойдемъ съ тобою въ лѣсъ и спросимъ у нихъ совѣта.

— А теперь ты дала-бы мнѣ чегонибудь поѣсть, обратился къ ней Эльфъ. — Что у тебя тамъ варится?

И онъ указалъ на котелокъ, висѣвшій на очагѣ.

— Картошка, отвѣтила Эрика.

— Невкусно! — А что печется здѣсь?

И онъ показалъ на шкафъ въ печи.

— Ничего, кромѣ черного хлѣба, отвѣтила она.

— А ты посмотри!

Эрика открыла котелокъ, — тамъ оказалось мясо. Она открыла шкафъ — тамъ вдругъ оказался окорокъ ветчины.

— А ну-ка посмотри за дверь! засмѣялся Эльфъ.

Эрика выглянула за дверь и нашла тамъ копченанаго гуся.

— У тебя были когда-нибудь игрушки? спросилъ Эльфъ.

— Игрушки? удивилась Эрика. — Нѣтъ, никогда... А что это такое «игрушки»?

— А вотъ ты осмотри скорѣе всѣ ваши шкафы!

Эрика отворила шкафы и, къ своему удивленію, въ одномъ изъ нихъ увидела орѣхи и яблоки, а въ другомъ — игрушки и прекрасно одѣтую восковую куклу.

Велико было удовольствіе и удивленіе крестьянина, когда онъ возвратился домой, и нашелъ такія вкусныя блюда. Тысячу разъ благодарилъ онъ маленькаго Эльфа и на всей землѣ въ этотъ вечеръ не было счастливѣе Эрики и ея отца. А когда настала ночь, Эрика прижала къ себѣ куклу, да такъ и заснула вмѣстѣ съ нею. Крестьянинъ тоже скоро задремалъ, а Эльфъ покушалъ орѣшковъ, легъ на полу на сѣнѣ, заснулъ и видѣлъ во снѣ свою ярко-зеленую страну.

На слѣдующій день небо прояснилось и стало голубымъ, солнце ярко свѣтило и съ крыши стало капать. Кругомъ ослѣпительно блистала снѣгъ и розоватыя тѣни тянулись отъ холмовъ.

Окончивъ уборку хижины, Эрика повела Эльфа въ лѣсъ, чтобы посоветоваться тамъ съ ея пернатыми и четвероногими друзьями.

— Чикъ-чикъ! закричали птички, завидя Эрику. — Ти-и-вить! Чирикъ-чирикъ! Вотъ идетъ къ намъ наша милая подруга!

И, слетѣвшись вокругъ нея, онѣ стали цѣпляться ей за голову, за плечи, а она вытаскивала изъ кармана крошки и кормила ихъ прямо изъ рукъ.

— Сюда! сюда! закричали вдругъ зайцы и кролики и цѣлой гурьбой побѣжали ей на встрѣчу.

А когда собрались всѣ птички и звѣрки, Эрика сѣла рядомъ съ Эльфомъ на повалившійся стволъ сосны,

а ея друзья полукругомъ усѣлись во-
кругъ нея. Она сообщила имъ, за-
чѣмъ пришла, и просила у нихъ со-
вѣта, какъ пробраться Эльфу въ его
страну.

но знаютъ всѣ тайные ходы подъ
землею. Одинъ изъ такихъ ходовъ
навѣрное ведетъ въ страну Эльфовъ.
Гномы очень любятъ музыку, ты-же
умѣешь пѣть, какъ соловей, и если

Эрика увидѣла игрушки и прекрасно одѣтую восковую куклу.

Но никто изъ нихъ не зналъ до-
рогу въ страну Эльфовъ.

— Отчего ты не справишься у
Гномовъ? обратился къ Эрику пре-
старѣлый Кротъ, незамѣтно подполз-
шій къ группѣ звѣрковъ. Они отлич-

ты имъ споешь, то они сдѣлаютъ для
тебя все, что угодно!

— Я поступлю такъ, отвѣтила Эри-
ка,—если ты меня къ нимъ сведешь.

— Одна изъ моихъ норокъ ведетъ
прямо къ Гномамъ, отвѣтилъ Кротъ.—

Слѣдуй за мною, и я проведу тебя къ нимъ!

— Но я очень велика и не пролѣзу въ дверку твоей норки!

— О, этому легко пособить!—воскликнулъ Эльфъ, и вытащилъ изъ кармана орѣховыя скорлупки.—Надѣнь ихъ себѣ на ноги, и ты станешь такою же маленькой, какъ и я!

Дѣвочка надѣла на ножки орѣховыя скорлупки и вдругъ сдѣлалась такою маленькой, что уже свободно могла войти въ норку къ Кроту. Кротъ поползъ впередъ, а Эрика съ Эльфомъ послѣдовали за нимъ. Было свѣтло, такъ какъ въ норкахъ у Крота свѣтились гнилушки и свѣтлячки. Такъ они шли до тѣхъ поръ, пока не дошли наконецъ до того мѣста, гдѣ изъ кротовой норки былъ ходъ въ пещеру Гномовъ. Заглянувъ туда, Эрика вскрикнула отъ удивленія, такъ какъ потолокъ и стѣны пещеры были покрыты золотомъ и серебромъ и вся пещера освѣщалась люстрой изъ безчисленныхъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней.

— Это—пріемная у Гномовъ, шепнулъ Кротъ, когда они вошли въ пещеру.

За длиннымъ столомъ, уставленнымъ великолѣпными яствами, сидѣли старички-гномы съ длинными сѣдыми бородами, спускавшимися имъ до колѣнъ, и весело разговаривали. Увидѣвъ Эльфа и Эрику, впереди которыхъ ползъ Кротъ, они въ удивленіи повскакали съ своихъ мѣстъ. Но такъ какъ Кротъ имъ былъ очень

хорошо знакомъ, то они скоро успокоились.

— Что скажешь, Кротъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

Кротъ рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло.

— Мы можемъ указать вамъ дорогу въ страну Эльфовъ, обратился къ Эрицѣ король Гномовъ, сидѣвшій во главѣ стола въ золотой коронѣ изъ рубиновъ,—но мнѣ очень грустно, что мы безсильны именно теперь, чтобы свести васъ туда. Зеленая дверь въ страну Эльфовъ находится въ кустахъ на холмѣ, вокругъ котораго непроходимое болото. Жадные люди срѣзали вокругъ холма весь торфъ, и теперь тамъ все наполнилось водой, которая подъ снѣгомъ не замерзаетъ. И всѣ, кто попытается ступить туда ногой, безвозвратно погибнутъ въ глубинѣ этого болота.

— А не знаете-ли вы способа, обратилась къ нимъ Эрика,—какъ-бы добраться до этого холмика съ дверью, минуя болото?

— Это вамъ можетъ указать Лѣсная Фея! отвѣтилъ король. — Она мудра и добра и сдѣлаетъ это для васъ лучше, чѣмъ мы.—Кстати, отнесите ей отъ насъ подарокъ! Возьмите вотъ это и скажите ей, что это отъ насъ.

И онъ вручилъ Эрицѣ крупный брилліантъ, отъ котораго во всѣ стороны шли лучи.

— Вы такъ любезны, вставилъ отъ себя слово Кротъ,—что моя подруга вамъ за это споетъ!

Эрика выступила впередъ и стала пѣть, а Гномы слушали ее и улыбались отъ удовольствія.

— Останься съ нами навсегда, милая дѣвушка, обратились они къ ней, когда она окончила,—и пой намъ, не переставая! Мы тебѣ будемъ дарить золотыя и серебряныя игрушки и играть съ тобою въ прятки каждый день. Вѣдь наверху сейчасъ дуетъ вѣтеръ и лежитъ снѣгъ, а здѣсь у насъ подъ землею тепло и намъ свѣтятъ драгоценныя камни.

Эрика вспомнила о яркомъ солнцѣ, которое она такъ любила,—о голубомъ небѣ и пушистыхъ облакахъ и отвѣтила имъ, что не можетъ вѣчно находиться подъ землею. Тогда они со вздохами простились съ ней и въ сопровожденіи Крота и Эльфа она возвратилась къ ожидавшимъ ее птичкамъ и звѣркамъ.

— Кто изъ васъ знаетъ, друзья мои, обратилась она къ нимъ,—гдѣ живетъ Лѣсная Фея?

— Я, отвѣтилъ Заяцъ.—Я знаю тотъ орѣховый кустъ, въ которомъ находится ея квартира, и если вы послѣдуете за мной, то я проведу васъ прямо къ ней.

Эрика и Эльфъ послѣдовали за нимъ и скоро онъ повелъ ихъ къ великолѣпному орѣшнику, росшему въ самой глубинѣ лѣса. Онъ три раза стукнулъ лапкой объ его стволъ и изъ-подъ него вышла прелестная Лѣсная Фея. Ея золотые волосы распространяли вокругъ себя желтоватые лучи свѣта, ея голубые глаза

свѣтились, какъ сапфиръ, а ея нѣжная изящная фигурка была одѣта въ серебристую одежду. Она ласково привѣтствовала Эрику и очень обрадовалась переданному ей брилліанту.

— Что скажешь? спросила она ее.—Зачѣмъ я тебѣ нужна?

Эрика рассказала ей, въ чемъ дѣло.

— Этому легко помочь,—отвѣтила ей Лѣсная Фея.—Вотъ тебѣ четырехлистный клеверъ, положи его къ себѣ въ башмачекъ и онъ доведетъ тебя прямо туда, куда слѣдуетъ, такъ, что ты даже и не замочишь себѣ ноги. Возьми съ собой еще вотъ эту волшебную вѣтку орѣшника и она сохранитъ тебя отъ опасностей. По дорогѣ тебѣ будутъ попадаться злыя вѣдьмы, которыя захотятъ отнять у тебя четырехлистный клеверъ, но ты отгонишь ихъ отъ себя этой вѣткой.

Эрика и Эльфъ поблагодарили добрую Фею, взяли отъ нея листки клевера, положили его себѣ въ башмачки и вдругъ полетѣли по воздуху.

Скоро они прилетѣли къ дикой и пустынной мѣстности, совершенно удаленной отъ всякаго жилья, среди которой возвышался холмикъ, покрытый кустами. Кругомъ торчали изъ-подъ снѣга пеня и кочки и было скучно и безлюдно вокругъ. Это и было то самое болото, въ которомъ люди вырѣзали торфъ и которое все было наполнено водой, скрытой подъ снѣгомъ. Но они безъ всякаго страха ступили на него и, благодаря листкамъ клевера, бодро направились прямо къ холмику.

— Отдай намъ клеверъ!—вдругъ послышались вокругъ ихъ голоса.— Отдай намъ клеверъ! Мы давно уже хотимъ его имѣть, чтобы свободно летать по воздуху!

Эрика и Эльфъ оглянулись и вдругъ увидѣли страшныхъ вѣдьмъ. Онѣ тѣснымъ кольцомъ окружили ихъ и протянули свои костлявыя руки къ ихъ башмачкамъ.

— Сейчасъ мы схватимъ васъ, говорили онѣ,—мы отнимемъ у васъ листки клевера и вы провалитесь въ болотѣ и утонете. Туда вамъ и дорога! Зато клеверъ будетъ нашъ!

И одна изъ вѣдьмъ уже схватила Эльфа за ножку, чтобы снять съ него башмачекъ.

— Скорѣе! воскликнулъ въ ужасѣ Эльфъ.—Гдѣ наша орѣховая вѣтка?

Эрика вспомнила о вѣткѣ орѣшника, достала ее изъ-за пазухи и махнула ею на вѣдьмъ.

— Вотъ вамъ! крикнула она на нихъ.—Теперь посмотримъ, какъ вы отнимете у насъ нашъ клеверъ!

Вѣдьмы скорчились, испугались и съ громкимъ крикомъ гнѣва и разочарованія сѣли на свои метлы и полетѣли прочь. Скоро онѣ совсѣмъ скрылись изъ виду, а минуту спустя маленькая дѣвочка и ея другъ были уже на холмикѣ у завѣтной двери въ царство Эльфовъ.

Невидимыя руки отворили имъ эту дверь и они вошли въ длинный, зеленый корридоръ, освѣщенный мириадами свѣтлячковъ и свѣтящихся мушекъ. Въ концѣ этого корридора

блистала яркѣй свѣтъ, дѣлавшійся все ярче и ярче по мѣрѣ ихъ приближенія. А затѣмъ они вдругъ неожиданно вышли на солнечный свѣтъ и на теплый день. Кругомъ все было зелено, цвѣли цвѣты и птицы въ прекрасныхъ, блестящихъ перьяхъ перелетали съ вѣтки на вѣтку; кругомъ раздавалось ихъ пѣніе и трещаніе наскочныхъ и воздухъ былъ наполненъ ароматомъ. Эрика поняла, что она попала въ царство Эльфовъ.

У подошвы зеленого холма, на берегу ласковаго, прозрачнаго озера возвышался блестящій золотомъ домъ съ серебряными башнями. Его крыша сверкала на лучахъ солнца. Тысячи эльфовъ, одѣтыхъ въ лепестки отъ роскошныхъ цвѣтовъ, прыгали и бѣгали взадъ и впередъ и играли въ прятки съ бабочками. Они пѣли и смѣялись и весело танцовали на мягкой, бархатной травѣ.

Тотчасъ-же Эрика увидела летѣвшую по воздуху прелестную маленькую колесницу, сдѣланную изъ жемчужной раковины, всю осыпанную драгоценными камнями, которую тянули по поздуху за ленту бѣлоснѣжные голуби. На колесницѣ этой, склонившись на мягкія шелковыя подушки, вся въ розахъ, сидѣла Царица Эльфовъ. Она была прекрасна и была одѣта въ кисейное платьѣ, сотканное изъ паутинъ. На головѣ у нея блистала корона изъ алмазовъ, а въ рукахъ она держала золотой скипетръ.

Она ласково привѣтствовала Эрику и Эльфа и съ большимъ интересомъ

Она быстро покатила прямо по воздуху въ свою хижину.

A. T. SMITH

стала слушать ихъ разсказъ. А затѣмъ она отвела ихъ къ себѣ въ домъ, ввела ихъ въ столовую, гдѣ былъ накрытъ роскошный столъ. Она посадила ихъ рядомъ съ собой и приказала своимъ пажамъ подать имъ фруктовъ и меду, а сбоку стояли кузнечики и играли имъ на скрипкахъ свои увлекательныя мелодіи.

Затѣмъ Эрика вспомнила о своемъ отцѣ и о своей бѣдной хижинѣ и, вскочивъ, стала просить Царицу Эльфовъ отправить ее домой. Царица Эльфовъ горячо поблагодарила ее за то, что она такъ участливо отнеслась къ одному изъ ея подданныхъ, и предложила ей выбрать себѣ подарокъ по своему вкусу. Чтò бы Эрика ни захотѣла имѣть, все Царица могла ей предоставить.

— Будетъ-ли это золото, говорила она, — или серебро, или драгоценныя каменья, — только назови ихъ и они будутъ принадлежать тебѣ!

— Какая польза въ золотѣ и въ серебрѣ? отвѣтила ей Эрика. — Развѣ можетъ что-нибудь сравниться съ яркими лучами солнца, которые я такъ люблю! И если бы въ нашей бѣдной хижинѣ всегда свѣтило солнце, то больше мнѣ не нужно было бы ничего.

— Твое желаніе будетъ исполнено! — сказала Царица Эльфовъ и приказала своимъ фрейлинамъ принести золотую прялку.

Когда прялка была принесена, она подарила ее Эрикѣ.

— На этой прялкѣ ты всегда смо-

жешь спрясть себѣ солнечныя лучи, сказала она. — И пусть эти лучи принесутъ тебѣ счастье!

Простившись съ Эльфомъ, она поблагодарила Царицу и, сѣвши въ поданную ей колесницу изъ слоновой кости, въ которую было запряжено нѣсколько красивыхъ бабочекъ, быстро покатила прямо по воздуху въ свою хижину.

Спустившись на землю, она опять сдѣлалась большой и, явившись къ своему отцу, разсказала ему все, что съ ней произошло. Обоимъ имъ казалось все это очень страннымъ, но у нея было въ рукахъ доказательство тому, что все это дѣйствительно было, — это ея волшебная золотая прялка.

И съ этихъ поръ Эрика и ея отецъ зажили счастливо и богато. Ихъ огородъ всегда былъ обработанъ, на немъ всегда удавались цвѣты, фрукты и плоды, куры всегда несли имъ свои яйца и коровы всегда давали имъ молоко.

Прошли годы и изъ Эрики выросла красивая, высокая дѣвушка съ глазами, какъ анютины-глазки, и съ свѣтло-каштановыми волосами. Какой-то прекрасный рыцарь охотился въ тѣхъ мѣстахъ и вдругъ увидалъ лучи солнца, выходяшіе прямо изъ оконъ хижины и освѣщавшія всю окрестность. Онъ вошелъ въ нее и вдругъ увидалъ Эрику, сидѣвшую за своей волшебной прялкой. Въ хижинѣ было ясно и свѣтло и казалось, что именно въ ней свѣтилось солнце.

И одинъ изъ солнечныхъ лучей, прямо изъ-подъ прялки попалъ рыцарю въ самое сердце, онъ плѣнился молодой дѣвушкой и попросилъ ее выйти за него замужъ.

Эрика согласилась, вышла за него замужъ и вмѣстѣ съ мужемъ и отцомъ, который уже пересталъ копать торфъ въ сырыхъ болотахъ, зажила счастливо и спокойно въ богатомъ замкѣ, возвышавшемся на самой вершинѣ горы. Всѣ Эльфы были у нея

на свадьбѣ, а птички пѣли ей свои пѣсни. А снигирь, тотъ самый, который прилеталъ за нею когда-то съ просьбой помочь несчастному Эльфу, нарочно для дня ея свадьбы сшилъ себѣ красную жилетку и сѣрый фракъ и весело пѣлъ. Всѣ звѣрюшки тоже были у Эрики на свадьбѣ, очень веселились, а Гномы прислали ей драгоценный брилліантъ.

Этотъ брилліантъ принесъ ей все тотъ-же старый Кротъ.

НА ЗАРѢ.

Чуть поутру солнце встанетъ,
Какъ тотчасъ вездѣ заглянетъ:—
— «Кто съ зарей еще не всталъ,
Солнце встрѣтитъ опоздалъ?
Спишь ты, жаворонокъ, что ли?
Вылетай скорѣе въ поле!»
Вскрикнулъ жаворонокъ: ахъ!
И помчался въ попыхахъ.
— «Зайчикъ сѣрый, ты, какъ видно,
Тоже соня? Стыдно, стыдно!»
Сѣрый зайчикъ съ мѣста прыгъ—
Скрылся въ полѣ въ тотъ же мигъ!

— «Пѣтушокъ, молчишь ты что-то,
Подремать тебѣ охота?»
Пѣтушокъ какъ закричитъ—
Знайте всѣ, что онъ не спитъ!
— «Голубъ сизый, просыпайся,
На кормежку отправляйся!»
Голубъ началъ ворковать,
Зерна на полѣ клевать.
— «Встань ты, маленькій лѣнivecъ,
Дѣло ждетъ тебя, сонливецъ!»
Но проказникъ лишь зѣвнулъ,
Повернулся и заснулъ.

Н. Н. Новичъ.

МОРЯЧОКЪ.

(Окончаніе).

VII.

Прошло четыре года. Тетушка Марья Ивановна, сильно состарившаяся за это время, сидѣла по-прежнему на порожекѣ своего флигелька,

вязала чулокъ и припоминала то далекое уже время, когда она получила въ послѣдній разъ отъ Сережи письмо: этому пошелъ уже второй

годъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Всѣ его письма быстро промелькнули у нея въ головѣ. Сперва ей пришелъ на память тотъ бурный вечеръ, когда она въ послѣдній разъ простилась съ Сережей въ Таганрогѣ, потомъ ея возвращеніе на хуторъ, а потомъ неописанная радость при полученіи перваго Сережинаго письма. Въ немъ мальчикъ горько жаловался на свою судьбу, на бури, на разлуку съ теткой, но за то слѣдующія его письма были полны восторговъ отъ новой жизни и отъ всего, что онъ видѣлъ по дорогѣ. Восторженно, но какъ умѣлъ, онъ описывалъ Керчь, Черное море, Крымскія горы, Ялту и Севастополь, письмо-же изъ Константинополя было полно изумленія отъ новой, неизвѣстной ему страны, гдѣ «всѣ люди ходятъ въ красныхъ колпачкахъ, а женщины съ закрытыми лицами и въ смѣшныхъ шароварахъ». Затѣмъ тетушка Марья Ивановна получила отъ него письмо изъ Александріи, гдѣ онъ описывалъ высокія, почти до небесъ доходящія пальмы и черныя лица негровъ. Послѣднее письмо его было получено ею изъ Неаполя. Послѣ-же него она совершенно потеряла Сережу изъ виду.

И она задумалась о племянникѣ. Живъ ли онъ? Здоровъ ли? Нѣсколько разъ уже она писала Ѳедору Ивановичу въ Таганрогъ, спрашивая его, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Сережѣ, но онъ каждый разъ отвѣчалъ, что вѣроятно Сережа находится гдѣ-нибудь въ Англіи или въ

Голландіи,—и больше ничего. Но это ея не удовлетворяло. Она собралась съ силами, написала Сережѣ письмо и послала его въ Неаполь на пароходъ «Дельфинъ», но письмо или не дошло по адресу, или не застало уже «Дельфина» въ Средиземномъ морѣ...

И вотъ она сидѣла теперь на крыльцѣ, думала и прислушивалась къ крику перепеловъ, перекликавшихся въ пшеницѣ. И вдругъ что-то странное, совсѣмъ непохожее на этотъ крикъ, долетѣло до нея со степи.

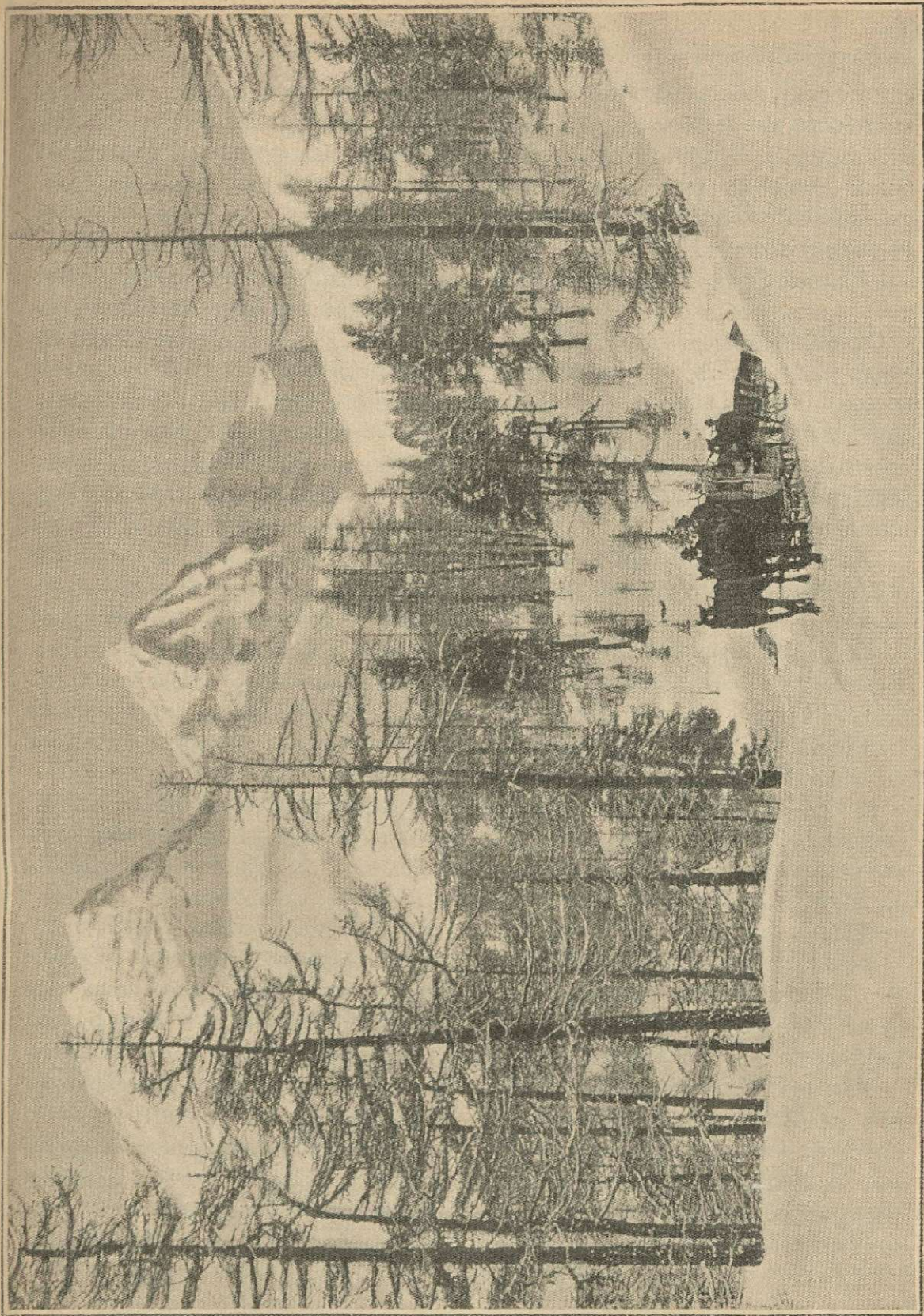
«Сказать бы, колокольчики».. подумала она,—«да нѣтъ... У насъ съ колокольчиками никто не ѣздитъ... Что-жъ это такое?»

Тетушка Марья Ивановна притаила дыханіе и стала вслушиваться. Дѣйствительно, то былъ колокольчикъ. Его звуки то замирали гдѣ-то въ степи, то врывались въ хуторъ, и отдаваясь потомъ за рѣкой, замирали снова.

— Господи!.. вскрикнула Марья Ивановна и бросилась къ воротамъ.— Никакъ это къ намъ! Ахъ, батюшки! Люди! Филиппъ, Марина, гдѣ вы?

Она совсѣмъ растерялась, схватилась за сердце и снова побѣжала на крыльцо. А колокольчикъ заливался все громче и громче, все ближе и ближе раздавался его звонъ и наконецъ тройка лошадей, волоча за собой цѣлое облако пыли, съ шикомъ въѣхала во дворъ и остановилась у крыльца.

Два человекъ, одинъ уже сѣдой, а другой молоденькій, одѣтый въ мор-

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ ЗИМОЙ.

скую форму, оба сильно запыленные, выскочили изъ коляски и бросились къ старушкѣ. У тетушки Марьи Ивановны отнялись руки и ноги. Она склонилась у косяка и слезы градомъ полились у нея по щекамъ.

— Сереженька, ангель мой!.. Братецъ!—залепетала она.

Сережа бросился къ ней на шею, сталъ ее обнимать, она прижала его къ сердцу, плакала и не вѣрила своему счастью. А Ѳедоръ Ивановичъ стоялъ тутъ же и, желая замять на-вернувшіяся слезы, сморкался въ красный платокъ.

— Братецъ, родненькій! взвизгнула она наконецъ.—Да какими же судьбами?

— Да вотъ приплылъ Сережа въ Таганрогъ и меня захватилъ съ собою! А каковъ нашъ морячокъ? А? Одно слово—адмиралъ! Вѣдь пріѣхалъ въ морскую академію поступать!

А Сережа бросился въ комнаты, выбѣжалъ въ садъ, снова вбѣжалъ въ домъ, снова выбѣжалъ изъ него на дворъ и отъ радости просто обезумѣлъ.

— Какъ здѣсь хорошо! восклицалъ онъ.—Сколько цвѣтовъ! Какой воздухъ! Наконецъ-то я у себя, въ нашемъ миломъ полтавскомъ хуторкѣ!

Марья Ивановна тоже обезумѣла отъ радости: она бросалась то къ брату на шею, то къ шкафу съ чайной посудой, то разыскивала какъ нарочно пропавшую куда-то скатерть. Она сознавала, что первымъ дѣломъ

нужно было дать гостямъ поѣсть, но память совершенно измѣнила ей: рѣшительно она позабыла, гдѣ что лежитъ. Съ грѣхомъ пополамъ столъ былъ накрытъ кухаркой Мариной, гости усѣлись за него, а тетушка Марья Ивановна сѣла поодаль и никакъ не могла оторвать глазъ отъ загорѣвшаго, возмужалаго лица Сергѣя.

Насталъ вечеръ, тихій, нѣжный и ароматный. Отъ рѣки потянуло прохладой, отъ сада повѣяло акаціей и сиренью и гдѣ-то въ кустахъ защелкалъ соловей. Усталый Ѳедоръ Ивановичъ скоро задремалъ, а Сережа и Марья Ивановна еще долго сидѣли въ саду и никакъ не могли наговориться послѣ долгой, томительной разлуки. А когда спустилась ночь и звѣзды одна за другой зажглись на небѣ, они взошли на покосившійся балконъ и стали смотрѣть на темныя деревья.

— Какъ здѣсь хорошо! Какая ночь! сказалъ Сергѣй.—Кажется, весь вѣкъ просидѣлъ бы здѣсь на балконѣ и вдыхалъ бы ея ароматъ!

— Да, Сереженька, промолвила Марья Ивановна въ отвѣтъ,—хорошо здѣсь у насъ! И все это принадлежитъ тебѣ, только для тебя одного я сберегала здѣсь все до послѣдняго пустяка и только для тебя одного я всячески старалась скопить лишнюю копейку, чтобы совершенно выкупить нашъ хуторокъ. Возьми-же его себѣ и владѣй имъ на здоровье!

М. Чеховъ.

ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Тридцать лѣтъ тому назадъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, я совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Случилось это такъ: Послѣ смерти отца и матери насъ осталось только двое — я и братъ Анатоль, бывший тогда студентомъ. Окончивъ курсъ и сдѣлавшись врачомъ, онъ отправился путешествовать вокругъ свѣта, взявъ съ собою и меня. По дорогѣ я готовился къ поступленію въ гимназію. Мы объѣхали весь свѣтъ. Къ сожалѣнію, въ то время, когда мы находились на островѣ Таити, — случилась русско-турецкая война и брата потребовали на эту войну. Мы такъ спѣшили въ Россію, что въ Америкѣ были только проѣздомъ. Здѣсь я предлагаю мои воспоминанія именно объ островѣ Таити, который за свою красоту получилъ названіе «Жемчужины Океана».

Итакъ, начинаю.

Нашъ пароходъ, трехмачтовый «Быстрый», капитанъ Кутюрье, только что покидалъ Сандвичевы острова. Всѣ мы стояли на палубѣ. Передъ нами уходилъ въ даль островъ Оаху, на берегу бѣлѣлъ городъ Гонолулу, кое-кто изъ нашихъ друзей, стоя на берегу, махалъ намъ платкомъ, а полчаса спустя остался видѣнъ уже только одинъ острогъ, стоявшій на узкой песчаной косѣ, да рыбные садки. Вотъ ужъ и они исчезли...

Цѣлый день мы плыли между острововъ и только къ вечеру вышли въ открытое море. Куда мы плыли? Далеко-ли?..

Я сбѣжалъ въ каюту брата. Онъ сидѣлъ у стола и читалъ книгу. Когда я бросился къ нему на плечи, онъ приподнял голову и затѣмъ посадилъ меня на колѣни.

— А когда мы займемся латынью? — спросилъ онъ меня.

Я опустилъ глаза.

— Знаешь? Мнѣ она ужасно надоѣла, робко отвѣтилъ я ему.

— Нельзя же, мой другъ... Черезъ восемь мѣсяцевъ мы придемъ въ Россію, надо поступать въ гимназію... Пожалуй не выдержишь еще экзамена... Это будетъ неприятно! Вѣдь цѣлыхъ двѣ недѣли мы сидѣли сложа руки... Ахъ, да! Ты совсѣмъ молодець. Я слышалъ, какъ вы съ мистеромъ Биди болтали по-англійски... Молодецъ, молодець!..

Я сконфузился отъ похвалы, отошелъ отъ брата къ сундуку и, доставъ въ немъ латинскую грамматику Кюнера, моего спутника въ путешествіи, вышель на палубу... Держа въ рукахъ книгу, которую я купилъ еще въ Москвѣ, съ которой объѣхалъ Китай и Японію и ѣхалъ еще куда-то далеко за экваторъ, я почему-то невольно вспомнилъ о Россіи, о Москвѣ... О родныхъ не вспоминалъ: кромѣ

брата, который въ то же время былъ и моимъ опекуномъ, у меня никого не было. Отца и матери я не помнилъ, а братъ былъ со мною... Живо припомнилось мнѣ и то, какъ по окончаніи университетскаго курса, когда онъ серьезно захворалъ, онъ собрался за границу... Врачи совѣтовали ему итальянскій климатъ, а братъ, захвативъ съ собою и меня, предпочелъ Италии кругосвѣтное путешествіе... До Марсели мы доѣхали по желѣзной дорогѣ, а изъ Марсели до Сингапура на пароходѣ англійской компаніи. Здѣсь-то я и выучился немного по-англійски...

Поднялась полная, красная луна и я задумался о поѣздкѣ на Московскія Воробьевы горы. Тамъ точно такъ-же поднималась красная луна и точно такъ же отражалась она въ Москвѣ-рѣкѣ... Такая-ли она въ Москвѣ, какъ и здѣсь? Далѣе мое вниманіе оторвалось отъ луны и сосредоточилось уже на всплывшей рыбѣ или на моллюскѣ, который, раздувъ свой парусъ, плылъ по поверхности океана. Я перегнулся черезъ бортъ и посмотрѣлъ въ воду. «Быстрый», еле еле покачиваясь, убаюкивалъ меня, точно въ люлькѣ... А луна уже была высоко... А чтѣ, глубоко-ли здѣсь?...

Два матроса, перешептываясь, прошли мимо меня...

— Ага! вдругъ раздался сзади меня голосъ.— Испугался! и кто-то схватилъ меня за голову и закрылъ мнѣ руками глаза.

Я высвободился и увидалъ передъ собою брата.

— Ночь-то какова! воскликнулъ онъ.— А? Тропическая, совсѣмъ, братъ, тропическая!

Я поднялъ упавшую на полъ грамматику Кюнера, и убѣждалъ въ каюту.

«Зачѣмъ я ее бралъ; все равно не училъ»... подумалъ я.

А когда восторженный отъ тропической ночи братъ спустился въ каюту, то я уже спалъ.

На слѣдующій день, часовъ въ восемь утра, я уже бѣгалъ по палубѣ парохода. Легкій вѣтерокъ шептался съ ослабѣвшими парусами. Яркое экваторіальное солнце вмѣстѣ съ темноглубымъ небомъ отражалось въ тихо колебавшейся водѣ... Было жарко.

Маленькая обезьянка изъ породы Уистити, купленная нами въ Сингапурѣ вмѣстѣ съ какаду, который почему-то сталъ подозрительно чихать, сидѣла на бортѣ корабля и преуморительно кривлялась. Я подошелъ къ ней, а она, соскочивъ съ борта, вскарабкалась на мачту. Бывшій тутъ же матросъ сталъ тоже кривляться. Зрѣлище было презабавное: одинъ старался перешеголять другого. Я долго смѣялся и потомъ, сбѣжавъ въ каюту къ брату, сталъ будить его.

— Да полно тебѣ спать! расталкивалъ я его, а онъ, засунувъ голову подъ подушку, обидчиво бормоталъ:— Довольно, ну довольно... Я спать хочу...

Я оставилъ его въ покоѣ и возвратился наверхъ.

Между тѣмъ на палубѣ собралась толпа. Мишѡ, тотъ самый матросъ, который передразнивалъ обезьяну, полѣзъ за нею на мачту, толпа гоготала и хлопала въ ладоши. Стоявшая у кадки съ водой сандвичанка, набравши въ ротъ воды для умыванья, не удержалась и прыснула ею отъ смѣха. Она откинула назадъ голову и, разставивъ мокрыя руки, съ которыхъ каплями сбѣгала вода, стала звонко смѣяться.

Сзади меня кто-то поскользнулся и громко крикнулъ. Я обернулся и увидалъ стараго матроса, который съ трудомъ отдиравъ отъ подошвы раздавленный имъ кусокъ мыла, брошенная сандвичанкой на полъ во время смѣха.

— Это чья обезьяна? строго спросилъ онъ, обводя глазами толпу.

Я промолчалъ. Старый матросъ поглядѣлъ на обезьяну и тоже расхохотался. Обезьяна скорчила гримасу, онъ тоже. Публика шумно засмѣялась, матросу стало неловко, и онъ ушелъ... Въ это время зазвонили къ чаю, и вся публика стала расходиться; Мишѡ, поймавъ, наконецъ, обезьянку, поднесъ ее ко мнѣ и осторожно передалъ съ рукъ на руки...

— Спасибо, Мишѡ,—сказалъ я ему.

Онъ улыбнулся ласково, почти подѣтски, и, поклонившись, пошелъ къ себѣ.

— Прелестная обезьяна!—быстро проговорилъ онъ и ушелъ.

Уистити взобралась ко мнѣ на плечо и стала шалить моими волосами.

Когда я сошелъ съ ней въ каютъ-компанію, тамъ уже многіе пили чай. По одну сторону стола, далеко держа передъ собою нумеръ газеты «Полинезійца», сидѣлъ англичанинъ, мистеръ Биди, и, не глядя на стаканъ, отхлебывалъ изъ него какую-то жидкость, углубясь къ чтенію интересовавшихъ его извѣстій. Какъ разъ напротивъ него возсѣдала мадамъ Жюли, добрая, симпатичная французенка. Она плыла на о-въ Таити изъ Парижа, гдѣ оставила свою мать, и съ маленькою девятилѣтнею дочерью отправлялась къ мужу, командированному французскимъ правительствомъ на Таити. Я былъ очень друженъ съ нею и съ ея маленькою дочерью Алисой. Цѣлые вечера я проводилъ у ея колѣнъ, слушая рассказываемыя ею исторіи, или радуясь ея пѣнію.

Рядомъ съ мадамъ Жюли, положивъ на локоть русую, курчавую головку, сидѣла ея дочь. Она не успѣла еще проснуться и дремала подъ кипѣнье стоявшаго околонея кофейника.

— Добрый день, Алиса! обратился я къ ней.—Здравствуйте, мадамъ Жюли!

Мадамъ Жюли притянула меня къ себѣ и поцѣловала въ щеку. Алиса зѣвнула, потянулась и не сказала ничего.

— Вашъ милый братъ еще не проснулся?—спросила меня французенка.—Не хотите-ли кофе?...

Я подсѣлъ къ столу. Уистити то и дѣло хваталась за чашку, такъ

что пришлось намъ пить кофе вмѣстѣ изъ одной чашки.

Въ это время вошелъ мой братъ и, вѣжливо раскланявшись со всѣми, сѣлъ рядомъ съ мистеромъ Биди. Скоро у нихъ начался разговоръ о политикѣ, а мы, т. е. мадамъ Жюли съ дочерью и я, вышли на палубу.

На палубѣ, суетясь, бѣгало нѣсколько человекъ матросовъ; больше всѣхъ суетился и кричалъ Мишо. Намъ попросили посторониться; оказалось, что ловили какую-то рыбу. Скоро ее вытащили на бортъ и топоромъ ударили ее по головѣ.

Послѣ рыбной ловли мадамъ Жюли стала вязать кружева, а я и Алиса складывали распильную картину, изображавшую войну мышей и лягушекъ. Мадамъ Жюли рассказывала намъ, какъ ея мужъ Жеромъ выдерживалъ нѣмецкую осаду. Скоро Алиса пожаловалась на головную боль и ушла съ матерью въ каюту, а меня братъ позвалъ учиться.

Моими познаніями онъ остался весьма недоволенъ. Онъ обижался, угрожалъ и даже обѣщалъ при первой стоянкѣ пересѣсть на первое попавшееся судно, идущее въ Европу, и возвратиться въ Россію. Я плакалъ, просилъ извиненія, обѣщалъ, что буду заниматься аккуратно, и въ доказательство этого четыре часа напролетъ прозубрилъ латынь. Передъ обѣдомъ, я ни съ того, ни съ сего расплакался и легъ на койку, вообразилъ себѣ, что нездоровъ, и заснулъ.

Проснулся я только къ вечернему чаю. Меня разбудили тихіе сдержанные шаги брата и дрожаніе моей койки подъ тяжестью его тѣла. Когда я раскрылъ глаза, братъ улыбнулся и, приложивъ руку къ моему лбу, пощупалъ, нѣтъ ли у меня жара. Я приподнялся и зѣвнулъ.

— Акула! Чего ротъ раскрыла! засмѣялся братъ. Я засмѣялся тоже и сталъ надѣвать сапоги.

Братъ увидалъ въ нихъ дырочки и велѣлъ мнѣ напомнить ему объ этомъ на Таити...

— Да развѣ мы плывемъ на Таити? радостно воскликнулъ я.

— Да, на Таити. А развѣ ты не зналъ?

Будучи еще въ Японіи, я восхищался рассказами о Таити. Заброшенный среди океана, этотъ островъ представлялся мнѣ чѣмъ-то неземнымъ, великолѣпнымъ. И вотъ я плыву туда теперь. Въ восторгѣ, я побѣжалъ въ каюту къ мадамъ Жюли, схватилъ ее за руку и, все еще не довѣряя брату, спросилъ ее о томъ же. Она подтвердила слова брата, стала мнѣ рассказывать про Таити, и сказала, что познакомитъ тамъ насъ со своимъ мужемъ. Я побѣжалъ опять къ брату.

— Ты знаешь, мадамъ Жюли хочетъ познакомить насъ съ своимъ мужемъ! сказалъ я ему.

— Очень пріятно!—отвѣтилъ онъ.

А я побѣжалъ опять навверхъ и наткнулся на Мишо. Французъ ла-

сково ослабилъ свое худощавое лицо и поклонился.

— Кажется мосье сегодня хвораль?— вѣжливо спросилъ онъ у меня.

— Мишѡ! Правда, что на Таити великолѣпно? перебилъ я его.

Матросъ закрылъ глаза, покачалъ головой и, сдѣлавъ сразу серьезную физиономію, сказалъ:

— О, Таити, царица міра... Даже Ницца передъ нею ничто.

— Неужели даже Ницца?

Но я не дождался отвѣта Мишѡ и бросился искать Алису. Бѣдная дѣвочка не понимала меня и всѣ мои разговоры о красотахъ Таити переводила на счастье о свиданіи съ отцомъ.

Поздно вечеромъ братъ засталъ меня снова на кровати. Но я былъ здоровъ и не спалъ. Я закрывалъ глаза и воображалъ себѣ архипелагъ Таити, водопады, лѣса, я бесѣдовалъ съ таитянами и таитянками и даже пробирался ко двору королевы Помаре...

Потомъ я уснулъ.

Среди ночи я былъ разбуженъ звономъ разбившагося стакана, стоявшаго около моей койки, и паденіемъ со стола книгъ. Въ страхъ я вскочилъ съ кровати и, еле держась на ногахъ, недоумѣвалъ и никакъ не могъ придти въ себя. Я слышалъ наверху странную бѣготню и чьи-то голоса, по временамъ заглушаемые чѣмъ-то громкимъ, басистымъ и страшнымъ. Сбоку моей каюты что-то жалобно визжало и скрипѣло. Ощупью,

въ темнотѣ, я побрелъ къ койкѣ брата и ухватился за нее, будучи не въ силахъ устоять отъ толчковъ...

— Анатоль, Анатоль!... вскрикивалъ я, шаря руками по пустой кровати брата.

Братъ не отвѣчалъ.

Я накинулъ на себя одѣяло и, какъ былъ, полѣзъ наверхъ.

Страшный ураганъ несся надъ океаномъ, громъ оглушалъ и яркая молнія освѣщала волнующееся море, суетящихся матросовъ и капитана Кутюрье, стоявшаго на мостикѣ и отдававшаго приказанія.

Волны захлестывали черезъ бортъ, и толчки были настолько сильны, что я еле держался за дверь, которую вмѣстѣ со мною покачивало туда и сюда...

— Анатоль... Анатоль... жалобно вскрикивалъ я, стараясь отыскать брата среди суетящихся матросовъ.

Мимо меня пробѣжалъ съ веревкой въ рукѣ Мишѡ и исчезъ въ темнотѣ.

Дождь лилъ какъ изъ ведра и точно въ барабанъ стучалъ по палубѣ. Паръ со свистомъ вылеталъ изъ трубы, машина пыхтѣла и какъ-то ныла, выбрасывая мириады искръ во влажную асмосферу.

Страшный ударъ грома заставилъ меня перекреститься и задрожать...

Шесть человекъ матросовъ пронесли мимо меня что-то громоздкое, тяжелое и не обратили на меня вниманія.

— Чей это мальчикъ? Уберите его! скомандовалъ кто-то.

1. — Вы собираетесь сегодня изъезду? — Нет, къ намъ обратятся прегуди Петръ Иванычъ, нарѣженный медвѣдемъ.

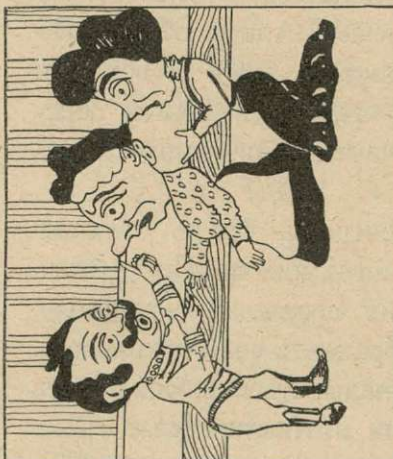
2. Вотъ, онъ и идетъ. Здравствуйте, Петръ Иванычъ!

3. — Смотрите, онъ пьетъ, какъ настоящий медвѣдь.

4. — Что же вы уходите, Петръ Иванычъ, такъ ничего и не сказавши?

5. Вбѣгаетъ содержатель звѣринца.
— Сейчасъ убѣжали у меня медвѣдь. Кажется, онъ заходилъ къ вамъ?

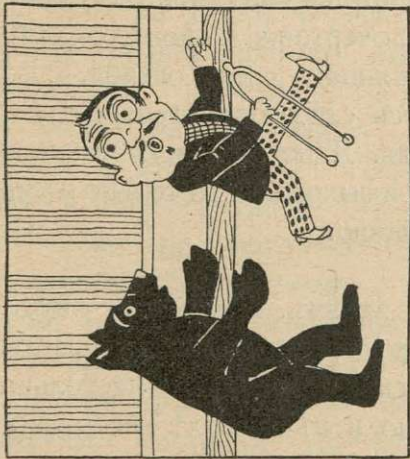
— Да онъ былъ сейчасъ здѣсь! Какой ужасъ! Содержатель, звѣринца. — Побѣгу его искать. Онъ можетъ натворить много бѣдъ!

7. — Какъ это онъ насъ съ вами не съѣлъ?

8. Входитъ Петръ Ивановичъ, изрядный медвѣдь.
— Батюшки, медвѣдь возвращается назадъ!

9. Дамы Г-нь Петушковы, спасите насъ отъ него!

10. Петушковъ бьетъ Петра Ивановича циннами.—Уходи! Уходи! Отсюда вонь!

11. Петръ Ивановичъ.—Да вы чего дергаете? Петушковъ (въ ужасѣ). Медвѣдь говорить по-человѣчьи!

12. Возвращается настоящий медвѣдь. Ивановичъ.—Это еще что такое?

13. Петръ Ивановичъ обратился на божество.—Спасите! Помогите!

14. Возвращается содеряатель зѣврында.—А! вотъ, вы гдѣ! Пои назидь! (Уводитъ медвѣдѣ).

15. Петръ Ивановичъ.—Давѣдь это я! Не бойтесь! Петушковъ (дрожа глѣ). А вы настоящий медвѣдь, или не настоящий?

Какой-то матросъ подбѣжалъ ко мнѣ и, взявъ меня на руки, сталъ спускаться внизъ. Одѣяло сползло съ меня, я былъ въ одной сорочкѣ и вздрагивалъ.

— Гдѣ братъ?—спрашивалъ я дрожащими губами.—Пришлите его ко мнѣ...

Матросъ ничего не сказалъ, поднялъ съ полу осколки стакана и бѣгомъ бросился изъ каюты.

Что-то тяжелое подступило у меня къ груди, и вслѣдъ затѣмъ начались припадки морской болѣзни.

Только передъ утромъ пришелъ мой братъ. Онъ засталъ меня лежащимъ на полу почти въ безсознательномъ состояніи и занялся моимъ лѣченіемъ. По его приказанію я сталъ глотать кусочки льда и подъ ложечкой поставилъ холодный компрессъ. Болѣзнь прекратилась, но слабость еще стояла во всемъ тѣлѣ.

Буря продолжалась.

Часа два спустя, поддерживаемый братомъ, я вышелъ на палубу, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Страшное, точно въ котлѣ клокотавшее, море стонало. «Быстрый» трещалъ подъ напоромъ волнъ и съ невѣроятною быстротой поднимался на пѣнившіеся гребни и точно въ пропасть падалъ вмѣстѣ съ волною. Канаты, натянутые мачтами, точно эоловы арфы, гудѣли отъ вѣтра на разные голоса. Шлюпка, привѣшенная къ правому борту, чуть было не сорвалась. Матросы были мокры съ ногъ до головы...

Часамъ къ четыремъ показался давно желанный разсвѣтъ. Громъ прекратился, но море все еще продолжало волноваться.

— Ну бурю мы съ тобой выдерживаемъ!—воскликнулъ братъ, вытирая платкомъ забрызганное лицо.

Я продолжалъ смотрѣть на море. Оно волновалось все такъ-же, хотя и были моменты, когда волненіе затихало.

Въ семь часовъ предъ нами неожиданно предстала въ туманѣ земля, но тотчасъ же скрылась. Это были нѣжныя очертанія какого-то островка, затеряннаго среди океана.

Весь слѣдующій день шелъ ливнемъ дождь. Я не выходилъ изъ каюты, а если и выходилъ, то только въ каютъ-компанію.

А затѣмъ, дня четыре спустя, мы, сверхъ всякаго ожиданія, заштилѣли ужасно. Море было настолько спокойно и въ воздухѣ настолько тихо, что, казалось, не будь машины, нашъ «Быстрый» навѣки остался бы въ этой широтѣ. Скука была смертельная. Отъ жары всѣ такъ раскисли, что ходили точно одурѣлые. Мадамъ Жюли оставила свои пѣсни и рассказы, Алиса все время хворала зубами, а я и братъ Анатолий просто катались по палубѣ отъ жары. Любезный Мишо то и дѣло окачивалъ насъ водой. Мой парусиновый костюмъ не пересыхалъ отъ воды, но это все-таки нисколько не избавляло меня отъ жары. Воображаю, чтò дѣлалось съ истопникомъ и машинистомъ!

Мы во второй разъ пересѣкали экваторъ ..

Пересѣкая его, — «Быстрый» салютовалъ изъ пушки.

А на утро опять та же тишина, та же жара и скука... День тянулся томительно долго, а ночь, прекрасная тропическая ночь, не отнимала отъ насъ духоты.

И такъ проходили дни и недѣли, и двадцать три дня спустя, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили Гонолулу, передъ нами въ дымкѣ жаркаго дня предстали неясныя очертанія какихъ-то острововъ.

Это были Таити и Моореа...

Передъ нами Таити!...

Остроконечныя горы, точно мохомъ облѣпленныя лѣсами, внизу городъ Папеити, тонущій въ изумрудной зелени тропическихъ деревьевъ, немного въ сторону — мысъ Фааха, пальмы, окружающія островъ громаднымъ кольцомъ... Господи, какъ хорошо, какъ красиво!

Мы всѣ столпились на палубѣ, и я, и команда, и даже мистеръ Биди... Взоры всѣхъ были обращены къ надвигавшейся землѣ.

Бѣлый парусъ, точно чайка, низко пригибаясь къ водѣ, летѣлъ къ намъ на встрѣчу. Это былъ лоцманъ... Быстро взобравшись на палубу, онъ громкимъ теноромъ отдавалъ приказанія рулевому, проводя пароходъ мимо плавучихъ знаковъ и бочекъ. Онъ провелъ нашъ пароходъ въ разорвавшаеся кольцо пальмъ, окру-

жающихъ островъ, и направлялъ его къ Папеити. Городъ сталъ видѣнъ какъ на ладони. Адмиралтейство, дворецъ, домъ губернатора, все это ласково выглядывало изъ-подъ темной, нависшей зелени, и манило къ себѣ.

Не доѣзжая полутора километровъ до берега, нашъ пароходъ присоединился къ стоявшимъ на рейдѣ кораблямъ и бросилъ якорь.

Масса лодокъ, до верху нагруженныхъ разными фруктами и узлами, окружила нашъ пароходъ. Минуты черезъ три, едва только матросы успѣли спустить трапъ, какъ нѣсколько человекъ таитянъ съ странными рисунками на лицахъ уже наполнили палубу и смѣшались съ суетившимися пассажирами. Они предлагали намъ свои услуги, фрукты, кораллы, кокосовые орѣхи, стирку бѣлья и многое такое, чего не видали мы въ теченіе двадцати-трехдневнаго пути.

Для пассажировъ была спущена шлюпка. Мадамъ Жюли, красная отъ волненія и отъ жары, суетилась болѣе всѣхъ. Она то и дѣло теряла свои узелки или Алису и, находя ихъ, вновь теряла что-нибудь еще. Когда я и братъ помогли ей спуститься по трапу, она ласково и задушевно простилась съ нами, приглашая насъ къ себѣ на Таити.

Въ это же время подѣхавшій къ намъ ботъ передалъ намъ пачку писемъ.

Пока братъ перечитывалъ письма, пока пассажиры пересаживались на шлюпки и отправлялись на берегъ, я

смотрѣлъ на Папеити. Вотъ первая шлюпка подплыла къ берегу и бросила мостокъ... Матросы подняли весла... Мадамъ Жюли и Алиса съ узелками вышли на берегъ, кто-то подошелъ къ ней и обнялъ ее и дѣвочку... Это должно-быть господинъ Жеромъ. Вотъ приплыла вторая шлюпка, а первая пошла назадъ. На берегу собралась толпа туземцевъ; всѣ они бѣжали за высадившимися пассажирами, предлагая свои товары и услуги. У мадамъ Жюли кто-то взялъ изъ рукъ чемоданъ и скрылся за листвою. Вотъ ужъ и сама мадамъ Жюли съ семьей скрылась туда же. Толпа любопытныхъ вышла изъ-за кустовъ и остановилась на берегу.

Господи, скоро ли мы высадимся?

Я сталъ глядѣть кругомъ. Передо мною возвышался до сказочности красивый Таити, на горизонтѣ, точно облачко, виднѣлся островъ Моореа, а сзади меня, преграждая путь, шла длинная полоса высокихъ пальмъ, защищавшихъ островъ отъ морского прибоя. Рядомъ съ нашимъ пароходомъ стояло нѣсколько другихъ подъ англійскимъ военнымъ флагомъ. Въ гавани у Папеити виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ. Въ это время солнце спускалось за горы, и горы внизъ вершинами отражались въ водѣ. По небу кучками ползли барашки. Потому, какъ-то очень ужъ быстро, небо окрасилось въ розовый цвѣтъ, розовый смѣнился фіолетовымъ съ золотистыми пятнами. Когда же солнце исчезло за горизонтомъ, то цѣлая

половина неба окрасилась въ красный цвѣтъ. Запахъ апельсиновъ и гордений доносился до меня съ берега. Тихій вечеръ спускался надъ островомъ, а я стоялъ на палубѣ и все смотрѣлъ, и смотрѣлъ. Рѣдкіе огоньки замелькали сквозь листву деревьевъ и съ берега доносились какіе-то неясные звуки, издаваемые женскими голосами и инструментомъ, похожимъ на барабанъ, а надо мною въ вышинѣ зажглись созвѣздія Южнаго Креста и далекаго Оріона...

Еле замѣтный плескъ волнъ о бокъ корабля убаюкивалъ меня, а чистый, пахучій воздухъ Таити наполнялъ мою грудь. На островѣ кто-то выстрѣлилъ изъ ружья и эхо повторило выстрѣлъ.

Ночь нѣжная, тропическая ночь окутала нашъ пароходъ.

На слѣдующій день братъ и я, надѣвъ свои лучшіе костюмы, высадились на берегъ. Массы любопытныхъ окружили насъ и звонко смѣялись, указывая на мой бархатный, не по сезону, костюмъ съ огромнымъ кружевнымъ воротникомъ. Всѣ они были одѣты въ легкія платья, волочащіяся по землѣ, а головы у женщинъ были положительно всѣ украшены цвѣтами.

— Раира, раира (иностранцы), раздавалось въ толпѣ.

Мы проходили по тамариндовымъ аллеямъ, направляясь съ визитомъ къ губернатору. Тогда на Таити нравы были еще просты и каждый вновь прибывшій иностранецъ считалъ сво-

имъ долгомъ посѣтить губернатора и саму королеву Помаре.

Когда мы подошли къ большому европейскому дому, въ которомъ жилъ губернаторъ, всему украшенному мимозами и датурами, мы такъ обливались потомъ, что даже мой воротничекъ размякъ и волосы на лбу стали мокры, точно послѣ купанья. Пока черномазый лакей докладывалъ о насъ, мы скомканными платками вытирали себѣ вспотѣвшія лица.

Насъ впустили въ большую свѣтлую залу съ раскрытыми окнами, на подоконникахъ которыхъ лежалъ цѣлый слой осыпавшихся датуръ. Какая-то томительная, душная атмосфера охватила насъ, когда мы вошли въ нее. Чувствуя себя немного неловко, мы сѣли на бѣлыя съ голубыми полосками стулья и стали ожидать появленія хозяина.

Наконецъ отворилась дверь, и къ намъ вышелъ маленькій, толстенькій человѣчекъ, затянутый въ тѣсный мундиръ. Онъ улыбнулся и попросилъ насъ въ гостиную. Это былъ самъ губернаторъ. Въ гостиной на голубомъ атласномъ диванѣ мы увидѣли губернаторшу, блѣдную, но красивую даму. Она ласково привѣтствовала насъ и указала намъ мѣсто около себя. Отъ нея такъ пахло духами, что даже въ носу щекотало. Мы сидѣли, изрѣдка перекидываясь словами о Таити и погодѣ, и прислушивались къ звукамъ фортепiанной игры, долетавшимъ до насъ изъ сосѣдней комнаты черезъ открытое окно. Что-то родное

повѣяло отъ этихъ звуковъ и европейской обстановки: мнѣ припомнилась Москва.

Отъ губернатора мы отправились по тѣнистой аллеѣ съ визитомъ къ королевѣ Помаре. Бурао, посаженные вмѣстѣ съ тамариндами, усыпали дорогу блѣдно-желтыми листьями и цвѣтами. Дорога шла черезъ хорошенькій мостикъ, перекинутый надъ горнымъ потокомъ со многими каскадами. Невдалекѣ отъ мостика мы увидали тонувшую въ садахъ огромную туземную хижину, окруженную верандой и сдѣланную изъ бамбука на туземный образецъ. Это и былъ дворецъ королевы Помаре. Подойдя къ двери, мы не встрѣтили никого, кто-бы доложилъ о насъ, а потому, немного переждавъ, вошли сами. Посреди довольно большой комнаты, устланной и увѣшанной циновками, стояли два позолоченныя кресла, а сбоку у стѣны—рояль. Въ открытыя окна продувалъ свѣжій сквознякъ. Не найдя и здѣсь никого, мы кашлянули. Масса черныхъ головокъ высунулась изъ дверей, и затѣмъ вышло нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя кисейныя платья по парижской модѣ. Между ними отличались двѣ. Одна была толста и безобразна—это была королева Помаре, а другая, лѣтъ двадцати трехъ, была хороша и стройна. Королева отрекомендовала ее намъ какъ принцессу Ариитею. Въ числѣ женщинъ были Моэ—невѣстка королевы, маленькая, довольно красивая женщина съ вѣнкомъ изъ бѣ-

лыхъ горденій, и двѣ фрейлины Фаимана и Теріа. Всѣ онѣ прекрасно говорили по-французски. Королева сѣла на золоченое кресло, пригласивъ брата занять другое. Сзади королевы стала ея подруга—начальница округа, Папара. Въ то время какъ Помаре грубымъ, отрывистымъ голосомъ, разговаривала съ братомъ, Аріитея, притянувъ меня къ себѣ, спрашивала о Россіи и нашемъ путешествіи. У королевы насъ приняли настолько радушно, просто и ласково, что намъ казалось, что мы въ обществѣ какойнибудь уѣздной помѣщицы, окруженной воспитанницами и приживалками, а не у королевы. Съ насъ взяли слово, что завтра въ шесть часовъ мы примемъ участіе въ предполагавшейся поѣздкѣ въ имѣніе какого-то англичанина.

Отъ королевы мы отправились съ

визитомъ къ господину Жерому, мужу мадамъ Жюли. Милый французъ принялъ насъ такъ ласково въ своей небольшой квартиркѣ, обсаженной померанцами и амарантами, мадамъ Жюли была такъ любезна и предупредительна на своемъ новомъ мѣстожительствѣ, что мы просидѣли у нихъ до вечера и только позднею ночью возвратились на пароходъ.

Южная ночь мигала намъ австралійскими звѣздами и дышала на насъ таитянскимъ ароматомъ. Мы сидѣли у борта и смотрѣли на огоньки Папеити, отражавшіеся въ водѣ, и только послѣ полуночи спустились внизъ.

Я былъ точно въ бреду. Новая природа, новыя лица стояли предъ моими глазами. Я многое чувствовалъ, но не многое сознавалъ...

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗКИ.

Въ деревенской школѣ.

Учитель показываетъ ученикамъ рисунокъ кошки.

— Что это?—спрашиваетъ онъ.

— Кошка! отвѣчаютъ всѣ ученики разомъ.

— Я спросилъ васъ не «кто это», а «что это»? Еще разъ повторю вопросъ:—Что это?

Ученики опять отвѣчаютъ—кошка!

— Не кошка, а рисунокъ кошки! говоритъ съ укоризной учитель. И,

доставъ рисунокъ кошки, схватившей мышъ, онъ показываетъ его ученикамъ и спрашиваетъ опять:—Ну, а это что?

Всѣ молчатъ. Одинъ изъ мальчиковъ привскакиваетъ и поднимаетъ руку.

— Дяденька, позвольте я скажу! говоритъ онъ.

— Ну, говори! отвѣчаетъ учитель.

— Это рисунокъ кошки схватилъ рисунокъ мыши! отвѣчаетъ мальчикъ.

Всѣ хохочутъ.

Подъ большимъ орѣховымъ деревомъ, росшимъ недалеко отъ деревни, два мальчика нашли орѣхъ.

— Это мой орѣхъ! сказала одинъ изъ нихъ.—Я первый его увидѣлъ.

— Нѣтъ, это мой! отвѣтилъ другой.—Я первый его поднялъ.

И долго они переқорялись, кому изъ нихъ съѣсть орѣхъ. Кончилось тѣмъ что они подрались и стали плакать.

На ихъ крикъ пришелъ третій мальчикъ, который былъ постарше и посиленѣе ихъ.

— Что вы орѣте? спросилъ онъ ихъ.

Они рассказали ему въ чемъ дѣло.

Выслушавъ ихъ, онъ раскусилъ орѣхъ и одну половину скорлупки далъ тому, который первый увидѣлъ орѣхъ, а другую тому, который поднялъ его первый. А самый орѣшекъ положилъ къ себѣ въ ротъ и съѣлъ.

— Вотъ такъ-то безобиднѣе, сказалъ онъ и пошелъ своей дорогой.

Такъ мальчики и остались ни съ чѣмъ.

— Не хорошо мы сдѣлали, что ссорились изъ-за орѣха! сказалъ первый изъ нихъ.—Вотъ и остались со скорлупками! Намъ-бы раздѣлить его поровну и съѣсть!

— Да, отвѣтилъ другой и вздохнулъ.—Вотъ и вышло, что тотъ, кто ссорится—всегда теряетъ!

И, взявшись подруки, они пошли домой.

Когда строился въ Парижѣ дворецъ Лувръ, то самъ императоръ французскій Наполеонъ III любилъ

приходить на постройку и слѣдить за ея ходомъ. При этомъ онъ выкуривалъ всякій разъ сигару.

Однажды, закуривъ сигару, онъ замѣтилъ, что въ группѣ каменщиковъ о чемъ-то шушукуются. Вслѣдъ затѣмъ изъ нея отдѣлился одинъ каменщикъ и направился къ Наполеону.

— Государь, обратился онъ къ нему.—Я сейчасъ держалъ пари, что вы позволите мнѣ по добротѣ своей закурить мою трубку отъ вашей сигары. Если вы не позволите, то я проигралъ пять франковъ, которыхъ у меня нѣтъ, и которые долженъ буду зарабатывать пять дней.

— Вы проиграли, отвѣтилъ Наполеонъ, потому что я не дамъ вамъ закурить. Но такъ какъ у васъ нѣтъ денегъ, чтобы заплатить вашъ проигрышъ товарищамъ, то вотъ вамъ цѣлый золотой.

Двѣ крестьянскія дѣвушки шли вмѣстѣ въ городъ и у каждой изъ нихъ была на головѣ тяжелая корзина съ овощами.

Одна изъ дѣвушекъ все время жаловалась на то, что ей тяжело нести корзину, и ворчала, а другая, наоборотъ, все время смѣялась и безъ умолку болтала.

— Удивляюсь, какъ ты можешь такъ смѣяться!—обратилась къ ней ворчунья.—Вѣдь твоя корзина такъ же тяжела, какъ и моя, а ты сама слабѣе, чѣмъ я.

— Это потому, отвѣчала ей подруга, что у меня въ корзинѣ лежитъ

на днѣ травка, благодаря которой мои овощи сдѣлались такими легкими, что я даже вовсе ихъ и не замѣчаю.

— Вотъ какъ! воскликнула ворчунья.— Должно быть, это очень дорогая трава. Я дорого дала бы за нее, чтобы только моя корзина сдѣла-

лась легче! Скажи, какъ называется эта трава?

Дѣвушка засмѣялась и отвѣчала:

— Эта драгоценная травка, которая всѣ тяжести дѣлаеть легкими, называется терпѣніе.

О. В.

ЗАДАЧА № 1.

Я — названіе большого русскаго города. Если вы подыщете нижеслѣдующія слова, то первыя ихъ буквы составятъ это названіе:—

1. Домашній вредный звѣрекъ.
2. Длинноухое животное.
3. Зимній экипажъ.
4. Домашняя птица.
5. Часть дерева.
6. Первая книжка школьника.

ШАРАДА № 2.

Мой первый слогъ вбиваютъ молоткомъ,

Втыкаютъ въ землю острымъ зубомъ,
Похожъ онъ на желѣзный ломъ.

Вторые-жь два «Овцу съ Волкомъ»,
«Демьянову уху», «Свинью подъ ду-
бомъ»

Описываютъ намъ, мы часто ихъ читаемъ

И даже въ школѣ изучаемъ;

А вмѣстѣ все — тамъ вкусное
коптится

И мелко рубится, варится,

И сальце тамъ, и ветчина,

А съ виду — лавочка она.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти шарady и загадку, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе шарady № 1. Полтина (поль+тина).

Вѣрное рѣшеніе этой шарady прислали:

Елена Любимова въ Спб., Таня Голубъ въ Спб., М. Дроздовъ въ Спб., Оля Королько въ Спб., Г. Сѣкеринъ въ Гатчинѣ, Женя Кузьмина въ Спб., Дина Каганъ въ Ревелѣ, Вѣруся Стоянова въ Калугѣ, А. Хвостова въ Вологдѣ.

Рѣшеніе ребуса № 1. У. Ермошки на носу ѣли кошки колбасу (у+еръ+мошки+на+носъ+у+ели+кошки+коль+басъ+у).

Вѣрное рѣшеніе этого ребуса прислали:

Елена Любимова въ Спб., Таня Голубъ въ Спб., Оля Королько въ Спб., Г. Сѣкеринъ въ Гатчинѣ, Женя Кузьмина въ Спб., Дина Струкова въ Спб., А. Хвостова въ Вологдѣ.

Отгадка загадки, помѣщенной въ № 1. Великій постъ и Пасха.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Одесса, Ниночкѣ С. Лучше всего ѣлку перевозить съ сѣвера на югъ багажомъ. Упаковать не нужно. Необходимо только обвязать ее вѣтви веревкой, чтобы онѣ не растопыривались въ вагонѣ.

Спб. О. К.—ко. Конечно, можно; Присылайте.